

«ЭМШ – это отдых. ЭМШ – это клуб»

*Мы продолжаем публиковать интервью, послужившие основой книги «Наш Эконом», готовящейся к изданию накануне празднования 75-летия факультета. Предлагаем вашему вниманию беседу журналиста и писателя **Игоря Свиначенко** с ассистентом кафедры Математических методов анализа экономики, директором Экономико-математической школы при ЭФ **Вадимом Красковым***

Игорь Свиначенко: Вы как наставник молодежи – говорите со студентами о современности? Обучая детей и готовя их к работе в большой экономике, вы им объясняете, что добрым словом и пистолетом можно добиться значительно большего, чем просто добрым словом?

Вадим Красков: Вы знаете, я не обсуждаю со студентами в аудитории вопросы, которые относятся к общественно-политической жизни. Мы занимаемся тем, что помогаем ребятам развить мозги, в первую очередь. Как они будут эти мозги применять, где, в какой стране, в какой отрасли, в каком виде деятельности – это вопрос очень важный, безусловно. Но это вопрос выбора студентов. Если люди хотят об этом со мной поговорить, то это наш частный разговор вне аудитории.

И. С.: Ну, вот я задал вопрос и получил ответ. А вы же не только со студентами работаете, но и со школьниками? Как вы с ними разговариваете, о чем?

В.К.: Примерно о том же, но только там другие предметные темы. В ЭМШ я веду математику, не экономику.

И. С.: Это абстрактная вещь такая.

В. К.: Абстрактная, но мозги очень хорошо развивает. Конечно, ребятам интересно, вот школьникам особенно, у них вопрос выбора: куда поступать, на экономику или вообще на что-то другое? И куда: МГУ, или «Вышка», или вообще что-то другое? И для них нужна профориентационная информация, поэтому и разговоры с ними ведутся в этом направлении. Опять же, если они этого хотят. А навязывать им свою точку зрения – кому куда идти – это все-таки не очень правильно...

Вот мы с вами сейчас разговариваем, а в 539-ой аудитории идет оргсобрание отъезжающих на выездную школу ЭМШ – это на пять дней в пансионат «Университетский», под Звенигородом.

И. С.: Я туда ездил еще в старые времена... Какие-то там были тусовки в 70-е годы...

В. К.: Пансионат постоянный, зимний, с хорошими утепленными корпусами, там все нормально в этом плане.

По смыслу ЭМШ — это дополнительное вечернее образование для старшеклассников. Не курсы для поступления, а дополнительное образование! Раньше были такие школы юных, при всех факультетах. Экономико-математическая школа — она одна из самых древних, создана в 1967 году и сохранилась до сих пор. Она все так же бесплатная, как и в советское время. Принципиально бесплатная!

Смысл нашей работы в том, чтобы немножко познакомить школьников с экономикой, рассказать, что такое экономическая наука, чем вообще она занимается. Дать им возможность повысить свой уровень по математике, по экономике и по чему угодно, – набор курсов в ЭМШ очень широкий: около

30-40 курсов авторских – не только по математике и экономике, но и по истории, иностранному языку, географии, физике. Это сейчас называется «Детские университеты». Вот в Европе есть ассоциация детских университетов, EUCU, там собрали всех подобного рода. И ЭМШ тоже туда вступила. Там выяснилось, что наша школа – одна из самых старых, ЭМШ – один из самых больших детских университетов.

И. С.: Значит, вы не учите школьников жизни, не говорите: «Вот, я ваш учитель во всем!» У вас иначе: «Я оказываю вам услуги, вот математика вам и прочее, и всё».

В. К.: «Услуги» – они как раз, скорее всего, платные. Есть и другие школы при факультете, например, ШМП (Школа молодого предпринимателя), есть субботние программы для абитуриентов — там за деньги готовят, по программам. А в ЭМШ – такая постановка вопроса: я пришел с вами пообщаться на содержательные темы, чтобы мне было интересно и приятно, а вам было интересно и полезно, как минимум.

И. С.: При чем тут ваше удовольствие?

В. К.: Это же бесплатно. Если мне неинтересно и неприятно, я туда не пойду. Там в основном студенты преподают, и абсолютно бесплатно. Не только студенты, конечно, но основная масса — студенты.

И. С.: Это открытие для меня, что есть бесплатные такие вещи. А вы можете отчислить кого-то оттуда? Если человек вам не интересен?

В. К.: Конечно, отчислить могу. Но не с мотивировкой «Ты мне неинтересен». А с другой: «ты не смог сдать мой предмет». Там устроено так: учащийся ЭМШ должен выбрать минимум два курса (можно и больше), которые он должен сдать. Причем выбирать надо из разных тематических блоков, то есть, допустим, математика и экономика, или экономика и

русский язык. Чтобы школьника не перекашивало. У нас это называется – третий путь, это все, что не математика и не экономика. Это география, компьютеры, литература, все, что угодно. Выбранные курсы, как мы их называем, зачетные, ученик должен сдать. Семестр с октября по декабрь, занятия, потом сессия, экзамены. Потом семестр с февраля по апрель, а в мае экзамены. Не сдал – пересдача, вторая пересдача, а дальше отчисление.

И. С.: А документ вы выдаете потом какой-то?

В. К.: Да, это целое «Свидетельство об окончании Экономико-математической школы». Его люди вешют в рамочке на стену потом. Почетно. Но – это не дает преимуществ никаких при поступлении. Вообще никаких! Мы заранее об этом предупреждаем, все об этом знают. Понимаете, это скорее символ принадлежности к тем, кто закончил ЭМШ. У нас был один год, всего один, это еще в каких-то странных 80-тых – при поступлении было нечто типа собеседования с абитуриентом. И вот тогда тем, кто приносил свидетельство об окончании ЭМШ с отличием – давали плюс полбалла. Но никому из этих отличников свидетельство не потребовалось! Потому что они поступили с большим запасом и без этого. Надо понимать, что, с одной стороны, там все очень мягко, а, с другой стороны, идет постоянный отсев. Во-первых, вступительные экзамены в ЭМШ конкурсные, школа бесплатная, конкурс там примерно три человека на место в среднем. Приезжают люди уже, естественно, мотивированные, как правило, и сильные, и из них идет отбор.

И. С.: Приезжают откуда? Общежитие есть?

В. К.: Нет общежития. Бывают ситуации, когда это совсем дальнее Подмосковье – Кашира, Можайск, Коломна. Рекорд установила одна девочка из-под Смоленска. Она приезжала на поезде, занималась, потом уезжала

ночным поездом, ее там встречали. И вот так она ездила, ездила – и поступила в итоге. Правда, не на наш факультет, но таки в МГУ.

И вот что интересно: к нам идут люди не только из сильных школ, но и из совершенно обыкновенных.

И. С.: А кто они такие вообще, какие они, что это за дети?

В. К.: Ну, когда они только приходят поступать, они еще все-таки очень разные. Вот они поступили, начали ходить на курсы. Кто-то понял, что это вообще не его, – родители велели учить математику, а тут вроде не только математика, еще что-то, и вообще чуть-чуть не то. Кому-то все супер, нравится, но только оказывается, что там 11 класс, уже репетиторы по всем предметам, большая загрузка, а к нам все-таки нужно приезжать, и еще есть домашние задания по курсам, которые надо делать, и экзамены сдавать... Это же не просто так – приехал и прослушал лекцию. Это нормальный курс с домашними заданиями, иногда сложными, иногда объемными, иногда творческими — это реальная учеба! Кто-то это принял и остался. Кто-то осознал, что он пойдет другим путем каким-то. Или понял, что его уровня не хватает. Или еще что-то. Отсев составляет примерно половину начавших обучение. Потом происходит добор – и еще половина отсеивается.

И. С.: Да у вас тут просто **triple distillation!**

В. К.: Даже больше иногда, чем трипл! Потому что еще на входе отбор... Потом сессии. Получается отбор. Люди, которые на выходе, – они, конечно, разные. Но у них что-то общее есть. Во-первых, как правило, это люди, которым что-то в жизни интересно, и они стремятся что-то узнать, а что-то уже и узнали. Часто это люди разносторонне развитые. Все-таки экономика – она вообще очень широкая. Люди, которые здесь – им интересно общаться друг с другом, тут создается довольно хорошее, устойчивое сообщество.

И. С.: Это отдых фактически, да? Досуг?

В. К.: В принципе, да. Это отдых. Это клуб. Но только надо вот что понимать. Вот у меня вчера были занятия в ЭМШ. В 17:20 началась лекция, потом небольшой перерыв, потом семинар, я его вел. Последние две девочки ушли в десять вечера, они занимались все это время решением задач с параметрами повышенной сложности. Они все это время содержательно напрягались в сообществе таких же, которым это интересно. И, конечно, мы с ними при этом общались, говорили еще много о чем, например, о том, как они на коньках катались. Это скорее ближе по духу к какой-то секции, к танцевальному кружку или еще чему-то, где у людей есть цель, установка на развитие. У этих ребят, конечно, есть какие-то общие черты. И, как правило, они продолжают общаться и дальше, и в студенческие годы, и после. Такие вот друзья юности. По поводу запаса энергии – есть люди, которые способны работать мозгом 20 часов! Но это я не про тот возраст с которым я работаю, это скорее про выносливость взрослого человека, с годами-то она повышается. (Потом снижается.)

И. С.: Смотря с какими годами...

В. К.: Ну, пока двое суток можешь играть в преферанс – значит, всё нормально.

Но вот то что я вижу... В семестре мы встретились и поработали, а как они живут дальше – мы не видим. Они ушли куда-то, и мы не знаем, какой у них график. А вот у нас есть такой проект – «Летняя школа». Мы там довольно много времени проводим со школьниками. Это определенная программа подготовки к вступительным экзаменам. Нормальное такое обучение на результат, а не просто чтобы поразвиваться. Там у нас идеология стягивающего сбора: вот мы с вами собрались, 10 дней поработали, а потом вы должны еще год работать вот примерно в таком режиме. Нагрузка там

такая: с 10.00 до 14.00 занятия, потом час на обед, потом с 15.00 до 19.00 опять занятия, дальше ужин, волейбол, потом делать домашнее задание. Позже, как мы это называем, “ночные свидания” – то, что не успели днем сделать, проходим начиная с 23.00. И так 10 дней работа с 10 утра до 2 ночи.

И. С.: Но это же все-таки не средний уровень, да? Это какие-то сливки со сливок?

В. К.: Не сказал бы. Это вопрос внутренней мотивации, а не уровня. Мы же не проводим на эту школу отбор, ребята разного уровня туда попадают, в том числе и достаточно слабые по знаниям. Но бывают люди слабые по знаниям с сильной мотивацией, которые грызут науку и стараются, и прогрессируют очень быстро! А бывают люди, которые просто так приехали, которым особенно ничего и не надо. В первую очередь вопрос мотивации!

И. С.: Значит, думаете, важнее всего то, на какой высоте поставлена планка... И вот такой вопрос. Самый знаменитый у нас русский математик из живых это Перельман, да?

В. К.: Он самый экстравагантный, самый известный.

И. С.: И заслуженный?

В. К.: Я закончил экономфак, отделение у нас называлось Математической экономики, но я все-таки не математик. Но я могу сказать, что есть, допустим, Андрей Окуньков, который получил Филдсовскую премию. Это премия лучшему математику в мире. (До 40 лет.) Он не столь экстравагантен, вполне нормальный в поведении. Учился в ЭМШ, потом преподавал в ней. Я горжусь тем, что в 10-м классе в ЭМШ учился у него на математике.

И. С.: Вот вы говорите: вполне нормальный математик. Что такое «нормальный» для математика?

В. К.: Я сказал «нормальный» в бытовом смысле. Вот Перельман так известен потому, что он отличается от среднего обывателя. В этом плане Андрей Окуньков по своей жизни ничем не выделяется.

И. С.: Скажите, Вадим, а какая у вас мотивация? Про детей понятно, им поступать, а вам это зачем — заниматься с ними без бюджета?

В. К.: Это вопрос, который ЭМШовые люди постоянно себе задают: какая мотивация?

В чем же мотивация -- что-то сделать? Я имею в виду не детей, а преподавателей. В ЭМШ почти 50 лет учатся дети, и учат преподаватели. У детей мотивация – развитие. У преподавателей – видимо, такой симбиоз самореализации и творчества: здесь ты можешь прочесть тот курс, который ты сам хочешь прочесть. Условно говоря, курс «Математика как корень из двух». И там рассказывать про корень из двух... Это некоторая возможность самореализации творческой. Сейчас можно писать тексты и вывешивать их в фейсбук или куда-то еще – а здесь ты можешь не писать тексты, а общаться с людьми и доносить то, что ты хочешь, до людей, которые хотят это услышать.

И. С.: Но вы-то уже эту тему знаете, которую хотите детям изложить. Для чего вам ее читать, если для вас в этом нет новизны?

В. К.: Один из основателей ЭМШ, Леонид Маркович Григорьев, говорит: «ЭМШ — это место, где студенты рассказывают школьникам то, что студентам плохо рассказали преподаватели». То есть человек что-то услышал – и у него есть потребность поделиться этим с другими. А заодно и как-то это переосмыслить. Или так: рассказал другим, заодно и сам понял.

Это очень хорошая мотивация – что-то узнать для того, чтоб рассказать другим, систематизировать, вникнуть глубже, глянуть шире... Это тебя

стимулирует к развитию. Есть еще, конечно, такая мотивация: ты делаешь какое-то правильное, доброе дело. На работе ты зарабатываешь деньги. Но если ты начинаешь задаваться вопросом – «В чем смысл того, что ты здесь делаешь?» Ты думаешь, что, может быть, никакого смысла в этом нет, с точки зрения человечества в целом. *Нечасто достается экономисту такая работа, про которую можно сказать, что она полезна для человечества.* А здесь все-таки понимаешь, что образование — это важно, полезно и осмыслено. Не только для конкретных людей, но и для человечества в целом. Ты уверен, что действительно делаешь что-то полезное...

Я когда-то ездил на такси, пока машину не купил. И сейчас иногда езжу. По пути в университет потрепаться можно. Таксисты часто разговорчивые. И вот таксист спрашивает: «Где ты работаешь?» Если ты говоришь: «Я работаю в банке», – то как-то разговор заканчивается. Ну да, в банке. Ну, хорошо. С тобой все понятно. Можно еще 50 рублей сверху взять.

И. С.: Типа ты живешь для себя, вот твоя жизнь, она никому больше и неинтересна. Если тебя завтра убьют, мало кто заплачет.

В. К.: А когда ты отвечаешь, что ты преподаешь – то дальше в голосе таксиста появляются уважительные нотки, типа ты полезным делом занимаешься, ты -- уважаемый человек. Они спрашивают, правда ли что нам мало платят...

И. С.: И что, правда – мало?

В. К.: Сейчас – больше, но все равно мало. По сравнению с бизнесом – крайне мало. Но зато есть чувство, и люди это понимают: образование — это важно, это правильно и полезно. И к тому же ты преподаешь людям, с которыми приятно общаться. Это очень большое удовольствие! Ты

рассказываешь им что-то полезное, видишь, как они растут, тебе приятно с ними общаться – это счастье.

Дальше интервью прервалось телефонным звонком, был короткий разговор по делу.

И мы ненадолго отклонились от темы интервью.

В. К.: Одним из самых ярких студентов, которые закончили первый курс в 2014 году, был Сережа Кравченко. Тем летом он погиб. А 24 января у нас был вечер его памяти. Приехали его родители... Они сделали стипендию имени Сережи на факультете, ее получают пять студентов-отличников. Они рассказывали, как воспитывали Сережу. О том, что он успел за свои 18 лет жизни. Там и танцы, и спорт, и наука. Он очень серьезно относился к саморазвитию... Два года назад Сережа был на выездной школе, докладывал. А у нас докладывают только три лучшие работы!

И. С.: Вот я слушаю вас и думаю: у вас тут собираются люди с умом, энергией, интересом к развитию -- и с неким альтруизмом.

В. К.: Ну, альтруизм – это потом выявляется, при отборе он не учитывается. Как идет набор в школу? Есть два письменных теста. Один – математика. Второй – общеобразовательный: там и география, и история, и культура, самые разные вопросы, это как брейн-ринг. Вот по этим письменным двум тестам, по условно объективным показателям, мы отбираем 200-300 человек из 500-600 желающих. Потом собеседование. Беседуют с ними, вот примерно, как мы с вами, только там есть определенный набор тем. Мы пытаемся выяснить, что человек понимает в устройстве экономической и политической жизни. Ну, к примеру, чем отличается республика от монархии, чем занимается Госдума, а чем – президент. Речь не о

пристрастиях и симпатиях, а о том, как человек представляет себе устройство мира, а не только страны. История, география, общая культура. Как человек разговаривает, что ему интересно вообще в жизни. Такой разговор минут на 15, иногда на полчаса, минут на 40. Вопросы задает комиссия, это три-четыре человека разных возрастов, от младших студентов – до глубоких стариков. По итогам и набираются люди. Тут, конечно, есть субъективный фильтр. Бывает, разговариваешь с человеком и понимаешь, что он очень содержательный, но чего-то еще не умеет, но хочет научиться, что он растет над собой. Он, допустим, из какой-нибудь дыры, и он понимает, что ему выпал шанс для развития. А может оказаться так, что человек прекрасно написал математику, а общеобразовательный тест прошел плохо, и потом в разговоре выясняется, что вообще ничего ему неинтересно. Он научился решать математические задачи, его дрессировали, это он умеет – а в принципе ему ничего неинтересно...

И. С.: И вам он не нужен поэтому?

В. К.: Нам хочется в ЭМШ общаться с теми, кто может воспринять то, что мы делаем, с кем будет интересно взаимодействовать. Если нам с каждым из них интересно – им тогда и друг с другом будет интересно. Создается такая вот химия командной работы, когда группа работает, когда ребята друг друга подталкивают вверх, а ты им помогаешь.

И. С.: Зачем же вы упускаете эту возможность: их всех, избранных, как-то втянуть к себе, если они такие умные и замечательные? Почему вы не берете выпускников ЭМШ без экзаменов? Ну или баллы хотя бы как-то засчитывали? Зачем отпускаете их на другие факультеты, вообще в другие вузы? Что это за расточительство?

В. К.: Понимаете в чем дело... Конечно, факультет заинтересован в том, чтобы как можно больше ребят из ЭМШ поступало на факультет. Но если будут какие-то формальные или неформальные преференции для ЭМШовых школьников при поступлении, это подорвет принципиальную мотивацию! Ты пришел сюда для того, чтобы расти над собой, мы тебе помогаем. А если ты пришел сюда для того, чтобы поступить — это другая мотивация. Не ходи в ЭМШ, а запишись на курсы для поступающих. Речь о личном развитии, а не о выгодах. Ты развиваешься – все, у тебя эта основная задача.

Конечно, обидно, когда сильные ребята уходят. Это понятно. Например, выпускник ЭМШ пошел на мехмат — это хорошо, а что ж плохого. Значит, что он понял, что экономика — это не его... Но, как правило, такие люди потом все равно приходят в ЭМШ преподавать. Для нас же важна самоподдерживающаяся система...

И. С.: Значит, ЭМШ для вас – хобби. А у вас есть еще какие-нибудь увлечения: рыбалка, байдарки, баня, охота?

В. К.: У меня лично? Да у меня их полно. Вот сейчас проведу оргсобрание в ЭМШ – и пойду играть в волейбол. Вместе с ЭМШовыми же преподавателями и школьниками, заметьте. Ну и потом, у меня есть еще и такое хорошее увлечение как работа в банке. Там, кстати, тоже интересно. Классное увлечение. Вот в ЭМШ что хорошо? ЭМШовые люди они друг друга держатся, естественно. Вот я, допустим, работаю в банке (ВТБ-24), так у меня начальник ЭМШовый, он у меня преподавал, когда я был школьником, в ЭМШ...

И. С.: А в банке вы тоже бесплатно работаете?

В.К.: Нет, вот там как раз платят. Там зарабатываю на то, чтобы иметь возможность преподавать здесь.

И. С.: Такое бывает, да... Писатель Маркес, говорят, писал книги для заработка, а для души работал репортером. Вот и у вас...

В. К.: Хочется получать удовольствие сейчас, не откладывая на потом. Некоторые всю жизнь зарабатывают, а на пенсии собираются получать удовольствие. У меня же так: утром иду зарабатывать, а вечером – получаю удовольствие.